

*«Тараса и Прасковью» писали тысячи брянцев и запорожцев.
Я их только чуть-чуть отредактировал*

Эссе

Икона осветилась

Тогда я был млад и глуп. Честолюбив. Как все поэты, гонялся за славой. Под лёгким хмельком на берегу могучей северной реки, куда я только что перебрался из брянской Гордеевки, в творческом запале рвал советские «синие» деньги и обещал будущей жене написать громкий роман. Надеялся, что выйдет проза. Под стать шолоховской. Через три десятка лет зазвонили, сначала глухо, как из-под льда хариусной Ижмы, притока Печоры, колокола поэзии. Музы давали о себе знать всё звонче и звонче. Звучали уже с буйных порогов Днепра у Хортицы, где я служил полтора года сержантом и встретил многих своих будущих героев. Под статью... Ну, сами решайте – кому.

На месте промёрзшего пустыря, на обрывках посеянных трояков, вырос сельхозбанк. В нём потом в сладком чине бухгалтера пересчитывала приваловские и прочие миллионы подруга жены. А однополчане иных времён, как я и предсказывал в «Тарасе и Прасковье», стали из гаубиц и миномётов молотить соседние с Запорожьём города и станицы Донбасса.

Ещё колокола мне пели про брянских красавиц, одну из которых я собирался выдать замуж за лихого парубка из приднепровских степей. Перебрал их в памяти добрую сотню, но ни одна не подходила под образ задуманной мною Прасковьи Шипикиной. Имелись лишь крохотки нужной внешности и внутреннего обаяния. По замыслу, героиня должна была стать литературной Параскевой-Пятницей, дочерью брянской партизанки и лётчика, полковника-фронтовика. С полувековой книжной судьбой, начавшейся в начале семидесятых в возрасте семнадцати-восемнадцати лет и дошедшей до почтенной, всё ещё красивой матроны, дождавшейся уже в наши дни внуков. Объединяющей черты известной православной святой и живой русской девушки, родившейся на Брянщине, у границы с Украиной. Лучше всего в Климовском или Погарском районах, хорошо мною изученным по работе в местных газетах. В Пашины матери с русским именем Арина вполне годилась моя бывшая квартирная хозяйка из Погара Софья Ильинична Федосеенко, дочь комиссара партизанского отряда имени Чапаева, и Александра Васильевна из унечского Рохманова, тоже партизанка, заведующая фермой. Родная сестра легендарного директора Брянской филармонии А. В. Шаповаленко. Некоторые черты взяты у старой разведчицы из климовского Разрытого. О похожей бабушке я писал очерк во Мглине.

Кое-что в образ главной героини внесли юные обитательницы тех районов. Однако самые красочные мазки внезапно добавила подлинная Любовь Б. из Запорожья, с кем лет десять назад как-то вдруг подружились на Майле.

Корни её из Климова. Бабушка Любы осталась круглой сиротой. Маленькой девочкой годика в четыре вместе с чуть старшим братом они пешком отправились в Киев к тётке. Я не могу представить – как, но они дошли, преодолев более двухсот вёрст. Брянский характер. Через годы внучка Люба оказалась на запорожской земле и вышла замуж за казака. Сама стала лихой и оказаченной. Она может, выталкиваемая змеями, плыть вблизи Хортицы по Днепру. Может взобраться по скользкой глине на крутую скалу кошевого атамана Ивана Сирко, обладавшего, по преданиям, сверхъестественной силой (характерник, маг, колдун). Наказывающего всех, кто решается потревожить полковничий покой.

Живёт Люба в квартире с видом на ДнепрогЭС и даже пару лет назад согласилась за не такие уж и большие гривны выкрасить плотину в цвета триколора. Прямо промышленная альпинистка. В юности ведь была парашютисткой. Как и Прасковья. Держит небольшую лавку, предлагая форменным оселедцам и усам трубки, чубуки, тютюны. Тут пути прообраза не сильно расходятся с персонажем. Владелицей элитного именного ателье, шьющего известным киевлянкам русские сарафаны. Неизменной патриоткой России, гордящейся сыном, марширующим Девятого мая по Красной площади.

Впрочем, и Люба не потеряла геной русскости, брянскости. Охотно с мужем взяла в скорый поезд на вокзале дитё у совершенно незнакомой женщины, умоляющей забрать с собой её маленького сына, чтобы увезти подальше от только что нагрянувшей чернобыльской беды. Сама мама выехать не могла. Взяла у четы лишь адрес. Появилась в Запорожье через месяц. Естественно, эпизод отлично вошёл в авторскую характеристику Прасковьи.

Добавлю, что мальчика звали Тарас Шевченко. Полный тёзка Кобзаря. Если помните из одного из моих эссе, такова девичья фамилия супруги моего однополчанина Николая Самсоненко. О чём я узнал года через три после выхода романа. Как и то, что у неё есть цыганская кровь. Цыганка в роду была и у моего героя Тараса Уса. Даже танцевала перед Пушкиным в Бессарабии. Скажете, случайно я так написал? Не соглашусь.

В гостях у супругов Самсоненко их невестка Татьяна, филолог, спросила: «Как же вы смогли всё предугадать»? Я молча указал пальцем в потолок. Мол, всё пришло сверху! «Это заколашивалось Слово / На святого Летнего Николу». (То есть роман я начал писать 22 мая 2006 года.) Так подчёркивается в стихотворном прологе.

Когда я впервые читал начальные страницы романа, где несколько раз упоминается Николай Угодник, то слушавшая меня на Брянщине по телефону двоюродная сестра, у дома которой, как у бабы Ванги, в те годы со всей страны на машинах собирались толпы, желающие получить душевное и физическое исцеление, воскликнула:

– О, икона Николая Угодника осветилась!

Работа над романом закончилась в Духов День 4 июня 2012 года.

*Шёл я в церковь за святой водою
Меж постриженными тополями.
Вслед калеки под руку с бедою
Радостно стучали костылями.
Может быть, за то, что с Николаем
Восходил мучительно я к Богу,
Мир на Духа показался раем,
Снизошедшим в праздник на дорогу.*

Эти строки в романе поставили точку.

Отец Роман

Когда я лежал под наркозом после сложной операции в реанимации и врачи ничего не гарантировали, жена, узнав о моём тяжёлом состоянии, взяла из палаты только что привезённую на правку по недавней моей просьбе рукопись «Тараса и Прасковьи», пошла в церковь. Обратилась за помощью к священнику. Тот ответил, что всё в воле Божьей, но рукопись благословил на издание в Сыктывкаре. И тут жена, вздрогнув, услышала обращение служки к иерею:

– Отец Роман!

Позже уже сам сходил за благословением к нему, а по изданию подарил том, на голубой обложке которого (любимого цвета Богородицы) образы любимых моему сердцу Тараса и Прасковьи, подсказанные автором художнику Алексею Попову (!) до мелочей. Между ними вдали православная церковь.

Стоит ли говорить, что через день после окончания романа ко мне на Пушкинском празднике подошёл очень известный в Коми бизнесмен и меценат Николай Николаевич, лауреат почётной греческой премии за открытие в Элладе залежей марганца, и без подготовки сказал:

– Сбрось мне на электронку роман. Я прочитаю. – Сам русский поэт, блестяще окончивший аспирантуру МГУ, он вскоре пригласил меня к себе домой и за дружеским столом заявил:

– Я издам твой роман. Подготовь расчёты и укажи издательство.

Кто его надоумил, тоже знаю. (Двоюродная сестра просветила.) Да и вы, надеюсь, сами догадываетесь.

Знакомство Тараса и Прасковьи предрёк Паше в первой юности забредший в их дом шарманщик, обладающий способностями волхва. Видать, он знал, что их дальние предки познакомились под Стародубом в военных стычках со шведским войском, спешащим к Полтаве. В другом поколении будущие родичи дружат уже во времена Переяславской Рады. Как говорят на Брянщине, любовь моим героям была законована. И они познакомились. В Брянске. Там Тарас служил после окончания Мулинской артиллерийской сержантской школы. На одном из местных заводов. В медпункте. Солдаты тогда при случае нередко, с выгодой для части, помогали рабочим. В основном тяжести таскали. Вот Ус слегка и надорвался. Поясница стрельнула.

Фельдшер Прасковья Шипикина, мгновенно его узнав по описанному шарманщиком портрету, обильно, можно сказать, от всего сердца, вымазала будущему жениху йодом спину. Самому браво-му сержанту показалось, что мазала не йодом, а мёдом! Словом, брянская краса зацепила казака. Да и сам Тарас уже не раз видел суженую во сне.

У русской Прасковьи и украинца Тараса двое сыновей. Каюсь, Остап и Андрей. Пусть Николай Васильевич не обижается. Остап – выпускник Рязанского училища ВДВ и академии. Служит в Российской армии. Полковник. Вот-вот получит генерала. Прошёл и Кавказ, и Балканы. Вместе с женой. Военной медсестрой, рожавшей сыновей между походами. По задумке автора, когда получит третью генеральскую звезду, станет губернатором Запорожья. Всё, кажется, к тому в городе на Днепре идёт.

Андрей – талантливый учёный-оборонщик. Убеждённый бандеровец. Между изобретениями промышляет разбоем на русской границе, прикрытой кадровыми российскими военными частями. Как и случилось через пару лет после выхода романа в настоящей, а не литературной жизни. Братья, как враги, сталкиваются в бою в Сербии. Но всё у них заканчивается сливовицей и трудными размышлениями о будущих судьбах Украины и России.

Что касается фамилии Ус, то я её не выдумал. В нижегородском Мулино мы с её обладателем учились в одной разведбатарее. Вместе попали служить на его родину. Чистейший запорожец. Рослый. С пшеничными усами. И потаённой любовью к горилке. Конечно, и Ус (имени не помню), и Николай Самсоненко не могли полностью создать образ Тараса, сына Героя Соцтруда, впоследствии главного инженера, председателя колхоза, первого секретаря райкома, а после развала СССР вахтовика-нефтяника в Сибири, поднакопившего там деньжонок и купившего хуторок в степи под Запорожьем. Так сказать, хохлацкого довольно успешного фермера, до Майдана торговавшего овощами и фруктами с Россией. Ещё добрый десяток мужиков по обе стороны границы помогли довести образ героя до кондиции. У каждого за плечами по сотне-другой живых «припёк». В том числе и среди украинцев, живущих и промышляющих вахтами в нашей стране. Север, например, ими полон.

Сирин и Гамаюн

Теперь я понимаю, что роман в мою судьбу был вписан заранее. Его только требовалось выстрадать и положить на бумагу, всё время чутко прислушиваясь к небесам. Работая газетчиком в Погаре, Мглине, Климово, Комаричах, Суземке, Гордеевке, поэт Владимир Подлuzский купался в россыпях русских характеров, многочисленных говоров, до коих не добрались ни Даль, ни Ожегов, неимоверных судеб, всеобщих раздумий и собственных прозрений. Слава богу, я в те годы не оказался в вожделенном «Брянском рабочем», главной газете Брянщины, который в миг бы отдалил меня от благословенного народа. Главного источника вдохновения. Каждый день надо мной витали мифиче-

ские славянские птицы Сирин и Гамаюн, свившие гнёзда в отведённых им закоулках произведения. Добрым словом я вспомнил в романе многие райцентры, сёла, посёлки и просёлки. Почти всегда сохранял брянскую топонимию. До сих пор многие прообразы, даже мимолётных персонажей, коих в произведении около полутысячи, живут в Унечском, Климовском, Мглинском, Погарском, Суземском и других районах. При том не подозревают, что сослужили литературе добрую услугу. Надеюсь, эссе восполнит сей исторический пробел. Тысячи брянцев помогли мне написать роман в стихах «Тарас и Прасковья». Все они из прежних советских времён. И вполне заслужили, чтобы остаться на страницах отмеченного Москвой произведения. Среди прообразов бывший первый губернатор Юрий Лодкин. Писатель. Представляющий на автобусной остановке девицам меня в юные годы солнцем брянской поэзии. Телевизионный журналист Борис Соколов, газетчики Владимир Гуртов, Юрий Раханский и Александр Ковалевский. Со всеми я не раз в жизни встречался и обо всех могу сказать только добрые слова. Коррупционные скандалы и аресты губернаторов на Брянщине и в Коми тоже в романе были предсказаны. Что легко проверить.

Словом, крест, возложенный на меня в два годика в Бытоши моим дедом-священником, которого, как попа-зэка, с Беломорканала после личной напряжённой беседы освободил сам Сталин, и густой флёр мистики, приданный деревенским детством в противовес крестильной рубаше, создали густо удобренную духовную почву для романа. После праведных речей проповедник месяц ждал расстрела, а получил команду на выход с вещами и бумагу в Орловскую епархию на новый приход. Непознанное жило каждую ночь в любом уголке родного унечского Рохманова. Сотни бытовавших тут легенд всегда имели некую подоплёку. Местный Звонов лог мало чем по сказам отличался от тургеневского Бежина луга. Кажется, и сам Гоголь, ездивший по лужам в коляске через соседний Погар, бывал в нашем селе и подсмотрел своих будущих героев. Не зря каждое лето с братьями моей бабушки Марии Тимофеевны, поповны и учительницы, Николаем и Александром, учившимися в Неженской семинарии, приезжал в Рохманово их соученик Павло Тычина, впоследствии знаменитый украинский письменник. Неудачно, между прочим, сватавшийся к бабушке. Помню лишь в домашнем архиве плотные и полустёртые снимки-картонки гарных парубков в парадной «бурсовской» форме. Если добавить, что далёкий предок по отцу ещё в конце 17-го века был ректором Киево-Могилянской академии, а дядя родителя, академик, числился одним из редакторов Русских орфографических словарей, то сам Бог мне велел засесть за роман «Тарас и Прасковья».

После публикации на знаменитом местном портале Брянск TODAY, куда поэт отправил письмо по ошибке, думая, что пишет в «Брянский рабочий», а на самом деле следуя планиде, я понял, что почти фантастическая история с получением в Москве Национальной литературной премии не закончилась. Она требует пояснений и анализа. Попробую осмыслить то, что, как считают литературные критики, понять почти невозможно. Сам шестилетний литературный процесс.

То есть довольно условное время работы над классической, как считают многие, вещью. По крайней мере, на одном из русско-украинских порталов её посетили за семь лет более десяти миллионов человек. Иногда до десяти тысяч за сутки. Особенно в канун Майдана. Ведь в романе, вышедшем за два года до киевских событий, можно сказать, непостижимым образом расписан весь сценарий госпереворота. Вплоть до доставки из тюрьмы Юлии Тимошенко в «неведомой колеснице» на Козье болото, где бесновался митинг. И вплоть... до возвращения на трон Виктора Януковича. Которое всё более, судя по опросам украинцев, становится реальным. Зря Администрация Президента Украины отмолчалась, когда я отправил электронную версию романа задолго до сумасшествия и крови. Хотел Виктора Фёдоровича предупредить. Письмо до сих пор бродит в Интернете. Как потерянная гоголевская грамота.

Моя помощница мусульманка Назира

Презентацию вышедшей книги (29 декабря как раз ей было восемь лет), русские и украинские диаспоры вскоре тогда провели в американском Бостоне и немецкой Вестфалии. Любопытно, что в Штатах организатором читательской конференции была узбечка, мусульманка, кандидат юридических наук, родившаяся в Самарканде и успешно защитившаяся в Москве Назира Коршиева. Когда она училась в России, настойчиво предлагала своим русским друзьям, среди которых были учёные, общественные деятели, писатели, священники, прочитать главы из ещё не опубликованного романа. Те читали и, по словам Назеры, очень восторгались. Дама даже ходила с электронной распечаткой

на приём к пресс-секретарю Патриарха. Между прочим, выпускнику Литинститута. И тот обещал показать рукопись Святейшему. Как я с Коршиевой познакомился? Да сама попросилась в соцсетях в друзья. Написала, что роман вошёл в её сердце. А если честно, на моё произведение навела её коллега и подруга из Запорожья Татьяна Журавлёва, связавшая меня потом с тамошними писателями, знакомыми по областному литобъединению при Союзе писателей, которое я иногда посещал, будучи ещё сержантом срочной службы. Читал свои стихи по-русски. Оценки выслушивал на украинском. В том числе от истинных маэстро Павла Загребельного и Натана Рыбака.

В специальных папках у меня хранятся положительные отзывы из Канады, Новой Зеландии, Крита и других заповедных местечек. Знаменитая Казахстанская Ванга – Вера Лион, не сходящая с мировых экранов, которую я знакомил по мере написания глав с романом, назвала вашего покорного слугу пророком. Упомянутый тут Александр Ковалевский сравнил роман с «Горем от ума» и составил своеобразный словарь цитат, будущих, на его взгляд, афоризмов.

А на конце выстрел

Я почти никогда не вёл дневников. Не верьте, что писатели без них не обходятся. Ещё как. Отсутствие записок стирает из памяти ненужные детали. Остаются важнейшие блоки, которые легко потом поддаются философским обобщениям. Иногда, правда, ругнёшься про себя, что не записал, и начинаешь напрягать память.

Трудно ли было писать роман? Скажу так: нелегко. Были, правда, дни и даже недели, когда сегодня стоило задумать главку из трёх-четырёх страниц и она назавтра являлась на свет божий. Некоторые шли вообще без всякой авторской правки. Что настораживало и даже пугало. Несколько раз, как бы извинившись, напоминал читателю, что я только переписчик уже созданного на небе. Так что прошу высокие понятия талант и гениальность отнести к Творцу, а не к вашему покорному слуге.

А с чего, собственно, всё началось? Где-то лет семнадцать назад мне всё чаще стали вспоминаться армейские будни. Я вдруг понял, насколько сильно полюбил Запорожье и свой реактивно-миномётный дивизион из прославленной в войну артбригады. По крайней мере, батарея капитана Флёрова, давшая первый в истории залп из «Катюш», входила именно в неё. Точнее, в наш дивизион. Вспомнился командир подразделения – подполковник Погорелов Николай Михайлович. Может, даже брянский родом. Потому что он как-то попросил Николая Самсоненко, зама командира взвода управления, обратиться к родителям с несколько необычной просьбой. Прислать маринованных брянских грибочков. Наверное, был на седьмом небе от счастья, когда Коля передал ему гостинец. Это был настоящий русский офицер, типа лермонтовского Максима Максимовича, прихрамывавший после Чехословакии и с гордостью носивший орден Красной Звезды. Мне он прочил большое литературное будущее и на некоторые мои молодецкие проделки поглядывал сквозь пальцы. Вот ему я и захотел посвятить поэму, вылившуюся в роман.

Очень быстро мои наброски в каких-то сорок страничек (на выходе без малого четыреста) раскритиковал писатель Николай Фёдорович Иванов. Я понял, нужно создавать многоплановое полотно, и легендарный земляк стал одним из первых читателей. На сей раз оценка была близка к самой высокой. Об этом я услышал от тогда ещё сопредседателя Союза писателей России Н. Иванова прямо из кабины мощного грузовика МЧС, входящего с колонной гуманитарного груза в Донецк. Мне показалось, что мой роман тоже въезжает в Донбасс, как один из берегов Русского Мира. Потом, между прочим, он окажется на столе у тогдашнего руководителя Союза украинских писателей Виктора Баранова. На пока ещё мирном Крещатике. Несколько отрывков из романа в год юбилея Гоголя опубликует в Москве один из культурных Центров при украинском посольстве.

У Тараса и Прасковьи, символизирующих Москву и Киев, как и у наших стран, тоже была размова. Из-за необоснованной, в общем-то, ревности. Вплоть до срывания со стены берданки. Тарас, встретив смелый и готовый ко всему взгляд Прасковьи, так и не смог выстрелить. Зато потом, когда в дом первого секретаря райкома партии перед разломом СССР нагрянут бандеровцы и начнут пытать Уса его же саблей, доставшейся от далёких казацких предков, Прасковья схватит табельный пистолет мужа и ранит одного из налётчиков. Другие в ужасе сбегут. Вот такая любовь. Это вам, дорогие читатели, ничего из современной истории двух стран не напоминает?!